

4 Оврагъ окаменѣвшихъ овецъ.

На Керченскомъ полуостровѣ, богатомъ древними замѣчательными памятниками и развалинами давно минувшихъ вѣковъ, существуетъ оврагъ, именуемый до настоящаго времени мѣстными татарами *хой-ташь-дере* или оврагъ окаменѣвшихъ овецъ.

Оврагъ этотъ или проще русло рѣки проходить по сосѣдству деревни Хызыль-хую и очень хорошо извѣстенъ туземцамъ Крыма легендою, Богъ вѣсть кѣмъ придуманною, вѣроятно потому что въ оврагѣ этомъ встрѣчается значительное число камней, которые издали имѣютъ сходство съ отарою бѣлыхъ овецъ, въ серединѣ которой возвышается и фигура пастуха, какъ будто предавшаго дремотѣ, послѣ утомительной прогулки. Легенда эта слѣдующаго содержания:

„У одного богача, до крайности добраго и благочестиваго, была единственная дочь, которою онъ дорожилъ выше всего на свѣтѣ. И какъ было не дорожить такимъ существомъ, которое отъ всей души предано было отцу, которое предупреждало всѣ его желанія?

Въ одинъ вечеръ старикъ замѣтилъ, что прекрасные глаза любимой дочери его полны грусти.

— Что съ тобою дитя мое? спросилъ отецъ съ сердечнымъ волненіемъ.

— Я и сама не знаю, что дѣлается со мною съ той минуты, когда ты ввелъ къ намъ Бекира. Его голосъ проникъ въ мое сердце и въ немъ живетъ; его взглядъ взволновалъ мою кровь; его станъ рисуется предо мною постоянно—словомъ я день и ночь думаю о немъ и въ немъ мнѣ чудится рай со всѣми его блаженствами.

— Понялъ, дочь моя, ты желаешь, чтобы Бекиръ былъ постоянно съ тобою, чтобы его уста прикасались къ твоимъ, чтобы онъ гладилъ твои коски, чтобы ты слышала его голосъ.

— Да, да отецъ мой, ты угадалъ тайныя желанія моего сердца. Мнѣ и самой кажется страннымъ, почему оно желаетъ этого.

— Всѣ дѣвушки въ твой возрастъ, подвергаются подобной болѣзни. Такъ ужъ назначено имъ отъ Аллаха.

— Ты сказала, что это болѣзнь? значить есть средство отъ нея излечиться?

— Есть, дочь моя, если только ты пожелаешь.

— Нѣтъ, отецъ мой, болѣзнь эта такая пріятная, что я нехотѣла-бы лечиться отъ нея.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ приходится поскорѣй выдать тебя замужъ, чтобы удовлетворить требованіямъ твоего добраго сердца. Ты знаешь, что грусть твоя вдвойнѣ печалитъ меня.

При этихъ словахъ красавица Алиме бросилась въ объятія старика и начала ласкать его сѣдую бороду.

Три дни спустя нарочно посланные глашатаи собирали всѣхъ почетныхъ жителей крымскаго ханства на свадьбу единственной

дочери Адиль-бей. Всѣмъ объявлялось, что отецъ жертвуетъ для угощенія гостей половину всего своего состоянія и что каждому посѣтителю поднесется дорогой подарокъ. И дѣйствительно всѣ прибывшіе пировали въ продолженіи сорока дней и ночей.

По окончаніи пира Адиль-бей пригласилъ новобрачныхъ и спросилъ у нихъ, что они желаютъ получить отъ него для обезпеченія своей будущности?

Бекиръ, которому извѣстно было все состояніе тестя, научилъ жену свою потребовать отъ него рѣшительно все до послѣдняго ковшика.

Адиль-бей не противорѣчилъ дочери не единымъ словомъ и отдалъ все, за исключеніемъ вѣника и гребешка, оставленныхъ старикомъ для своихъ надобностей.

На слѣдующій день новобрачные рѣшились переселиться въ Керчь, чтобы не кормить престарѣлаго отца, полученнымъ отъ него имуществомъ. Адиль-бей не только обидѣлся противъ такой неблагодарности, но изъявилъ даже желаніе сопровождать дочь свою до мѣста перваго ночлега, чтобы еще разъ обнять ихъ и призвать милости всемилостивѣйшаго Аллаха.

Къ вечеру обширный караванъ, сопровождаемый безсчетомъ отарою овецъ, пришелъ и расположился на ночлегъ въ оврагѣ, именуемомъ нынѣ Хой-ташь-дере. По распоряженію добраго отца изъ сосѣднихъ поселеній принесенъ былъ огонь и всевозможныя яства для почтенныхъ гостей. И снова музыка загремѣла. Танцы и угощенія возобновились.

На утро проснулась Алиме и застучала въ ладоши. На зовъ ея явились служанки.

— Умыться—сказала она.

Когда приказаніе это было удовлетворено, она потребовала гребешекъ причесаться, чтобы выйти къ мужу въ приличномъ видѣ; но увы въ приданномъ ея не оказалось гребешка. Это до того возмутило Алиме, что она начала рвать на себѣ волосы и самымъ отвратительнымъ образомъ ругать и проклинать добраго отца.

Пораженный такою вопіющею неблагодарностію, несчастный Адиль-бей бросился въ палатку новобрачной и павъ на колѣни съ поднятыми къ небу руками рыдая произнесъ:

— Да постигнетъ безславіе того отца, который думаетъ въ дочери найти частицу своей крови! Тебя-же благодарное созданіе за твои дерзкія слова предаю въ руки шайтана и умоляю Аллаха, чтобы онъ превратилъ на этомъ мѣстѣ тебя съ мужемъ и со всѣмъ моимъ имуществомъ въ обломки скалъ для назиданія будущихъ поколѣній!

Не успѣлъ онъ произнести этихъ словъ, какъ весь караванъ исчезъ съ лица земли, а на мѣстѣ его появились кучи камней. Съ того времени оврагъ этотъ названъ туземцами Хой-ташь-дере или оврагомъ окаменѣвшихъ овецъ.